

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 144

В.А. МАТВЕЕВ

**«УКРАИНА ОТ КАРПАТ
ДО КАВКАЗСКИХ ГОР!»...?**

**ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
ПО ПОВОДУ ОДНОГО ИЗ СОВРЕМЕННЫХ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ**

Москва
2001

ISBN 5-201-13758-x (6)

© Серия "Исследования по прикладной и неотложной этнологии"
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 144.

Редакционная группа:

В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
117334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-095) 938-06-00

В.А. МАТВЕЕВ

«УКРАИНА ОТ КАРПАТ ДО КАВКАЗСКИХ ГОР!»...?

*Пolemические заметки по поводу одного из современных
геополитических проектов*

Об авторе

Матвеев, Владимир Александрович – преподаватель кафедры отечественной истории новейшего времени Ростовского государственного университета. Автор публикаций по современным этнополитическим и геополитическим проблемам России, в частности Кавказа, а также об этнонациональных особенностях российской государственности.

About the Author

MATVEEV,
VLADIMIR ALEXANDROVICH

- the lecturer at the Chair of Modern Russian History in the Rostov-on-Don State University. He is the author of publications on contemporary ethnopolitical and geopolitical problems of Russia and of the Caucasus in particular. He also wrote about ethnic aspects of the Russian statehood.

Summary

MATVEEV V. A. "UKRAINE FROM THE CARPATHIAN MOUNTAINS TO THE CAUCASUS! ..."?
POLEMIC NOTES ON ONE OF CONTEMPORARY GEOPOLITICAL PROJECTS

In this paper the author analyses geopolitical project "Ukraine from the Carpathian Mountains to the Caucasus" from various perspectives. The project was born on the eve of the 20th century, acquiring conceptual framework in the studies of Mr. M.S. Groushevsky, one of ideological leaders of the Ukrainian ethnic nationalism. After break up of the USSR this project is gaining momentum again, and it is proved by publication in Kiev in 1991 of Groushevsky's brochure "Who Are the Ukrainians and What Do They Want", first published in 1917. Though its spatial construction is far-fetched, the project has been never put under academic scrutiny. The author traces specific features of ethnopolitical processes in the zone of ethnically mixed Eastern Slavic colonization, and on this basis he comes to a conclusion that peculiar geocultural (civilizational) synthesis with predominant All-Russian basis has been taking place on these territories. He also draw attention to the issue of Eurasian ideology, arguing that it should not be idealized and that it **has not been** forming a decisive tendency in the political development of the Russian state before 1917. Its growing importance the author explains as a result of a drift in codes of historical development, the latter being incorporated into the policies of those times. The author supports point of view, according to which a trend towards All-Russian integration was predominant in the area under the study.

Как показали трагические события последних лет, значение объективных исторических познаний для судеб народов нельзя недооценивать. Они не просто воссоздают панораму минувшего во времени, но несут в себе очертания настоящего и будущего. Даже на самых ранних стадиях развития этнических сообществ, идеология которых отражалась в легендах и мифологических преданиях, а устойчивость и сохранность этих сообществ во многом зависела от качества передачи познаний о прошлом из поколения в поколение. Их роль в этнонациогенезе не исчезла и поныне.

Применительно к современности можно, кроме того, отметить, что безопасность любого государства и самого его населения, напрямую зависит в немалой степени от состояния дел в исторической науке. Незавершенность тех или иных проблем и появляющиеся вследствие этого их фальсифицированные трактовки, под какими бы оболочками они ни скрывались, нередко открывают возможность сползания к катастрофам. Данная закономерность в последние годы проявляется все чаще.

Появились связанные с ней новые разновидности технологий войн, среди которых особое место занимает деструктивная концептуальная организация исторических знаний для разрушения выбранных в качестве объекта воздействия типов самосознания. Это влечет за собой и изменение или исчезновение общностей, конституированных на основе последних. Возможность таких преобразований подтверждается свершениями прошлого, например, эпохами смены религий или иных объединительных идеологических приоритетов. В этом контексте, судя по всему, следует рассматривать и происходившее как на предшествующих этапах, так и развернувшееся в наши дни концептуальное противоборство с российской историей¹.

На это обратили внимание, в частности, представители научной общественности Украины и России, собравшиеся в 1994 г. в г. Донецке на Международную конференцию по случаю 340-летия Переяславской Рады. Подавляющим большинством голосов они приняли весьма важное, на наш взгляд, обращение к соотечественникам по обе стороны границы, в котором высказали тревожное предостережение, остающееся до сих пор не услышанным: «Необходимо уважать исторический выбор наших предков!». Они выступили также против наметившегося после распада СССР растаскивания великого наследия восточнославянских народов, не исключая и территориального, по мелким уделам².

Еще в 40-е гг. XIX в. поэт Т.Г. Шевченко, формулируя украинскую национальную идею, не отрывал ее от русской³. Это единство поддерживали и многие другие видные деятели культуры двух народов. Весьма своеобразно обосновал его и писатель Н.В. Гоголь, отмечая наличие «обеих природ» в своей душе, «хохлацкой» и «русской»⁴. В его понимании единая и неделимая Русь «разметнулась на полсвета»⁵.

Незадолго до революционных потрясений 1917 г., замечая наметившиеся центробежные тенденции, представлявшие тогда незначительную еще угрозу для целостности государства, русский ученый В.И. Вернадский с сожалением констатировал: «Мы недостаточно оцениваем значение огромной непрерывности нашей территории» и указал на то, что «добытая кровью и страданиями... истории», она «должна... охраняться как общечеловеческое достижение...». В ней он не без основания видел «первоисточник силы» не только восточного славянства, но и всех других народов, населявших пространства Российской империи⁶.

Посетивший ее в том же году известный

французский журналист Клод Онэ, наблюдая результаты деструктивной деятельности различных радикальных сил, с недоумением вынужден был сделать весьма неутешительное для будущего заключение. Размышляя над увиденным, он писал: «Странная, непонятная нам психология у русских: для них чуть не преступление любовь к отечеству, и они с легким сердцем готовы допустить унижение, а то и разрушение их родины»⁷. Инертным отношением русского общества «к отторжению окраин, даже русских по духу», отсутствием по этому поводу «сокрушительного народного гнева» был удивлен и выдающийся вдохновитель белого движения на Юге России в период наиболее драматического развития событий 1917-1920 гг. А.И. Деникин⁸.

Это положение вызывалось тем, что для русского и других связанных с ним общегражданскими узами народов организующим и направляющим началом всегда выступала государственная власть. В ситуациях, когда она способствовала наступлению фаз стабилизации или даже подъема, отвечавшего стратегическим интересам страны, русский народ предстал как вполне патриотичный, при возникновении кризиса и в прошлом неоднократно наблюдалось то, на что обратили внимание упомянутые выше авторы. Подтвердилось это, в том числе, на исходе XX в., когда в силу стечения ряда неблагоприятных обстоятельств произошел еще один частичный распад этой непрерывной территории.

Недостаток же знаний о прошлом вновь породил другую, не воспринимающуюся пока всерьез, как и в указанный промежуток времени, угрозу. Отдельные представители научных и политических кругов на Украине, а иногда и целые общественные движения, через средства массовой информации и журнальные публикации от-

стаивают так называемые «этнические права» на немалую часть сопредельных юго-восточных российских регионов, исходя из принципа «преобладающей колонизации». В подтверждение приводятся впечатления от поездок, позволивших якобы наблюдать, что «здесь везде слышна украинская речь, и поэтому не нужно жалеть никаких средств, несмотря на трудности, чтобы у местного населения возродить соответствующий национальный менталитет»⁹. Со ссылками на это делались неоднократные заявления «о душевной боли за Кубань и Таганрожье», допускались и более категоричные утверждения: «Кубань – это Украина!»¹⁰.

Можно было бы, конечно, посоветовать тем, кто вынашивает подобные притязания, попытаться для осознания реальности возродить, скажем, у французов менталитет галлов или германцев, у американцев – англичан или каких-нибудь еще европейцев и т.д. Над перспективами таких превращений они, видимо, никогда не задумывались. Но прояснение истины требует и более обстоятельного разговора, так как перегруппировка или даже разрушение самосознания на основе концептуальной организации ложных знаний, как уже было отмечено, возможны, и в последние годы принимают все большие масштабы. С аналогичных изложенных позиций, например, стала рассматриваться на Украине ее история в школьных и вузовских учебных курсах, – в отрыве от русской и с преувеличением роли украинской колонизации в освоении различных пространств, включавшихся в разные периоды в пределы формировавшейся на протяжении многих веков евразийской империи. Инакомыслие же по этой проблеме, как впрочем, и по другим, подвергается гонению¹¹.

Следует заметить, что современный геополитический проект «Украина от Кар-

пат до Кавказских гор!» является своего рода отражением уже существовавшего ранее идеи, приспособленной к новым условиям. Как вспоминал генерал барон П.Н. Врангель, неплохо осведомленный в свое время в вопросах подрывной деятельности против России, направляемой из-за рубежа, работа на данном направлении усиленно велась на протяжении многих лет Австрией и ее «плоды... значительны»¹². В 1914 г. при поддержке достаточно высоких правительственных и военных инстанций этой страны в Вене был организован «Союз освобождения Украины», ставивший целью создание независимого государства «от Карпат и до Кавказа».

Наиболее конкретизированное развитие эта надуманная пространственная конструкция получила в трудах теоретика украинского национализма историка М.С. Грушевского, определившего в 1917 г. границы Украины с включением в нее большей части Курской, Воронежской губерний, а также практически в полном составе Области Войска Донского, Кубани и Ставрополя¹³. Если принять во внимание, что в этот геополитический проект входила еще и Харьковская губерния, бывшая когда-то малозаселенной западной окраиной Московии, куда принималось бежавшее из Польши православное население, а также Новороссия, состоявшая из Бессарабской, Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерний¹⁴, то нужно заметить, что в значительной мере он оказался реализованным.

При образовании СССР в 1922 г. Украине отошли и немалые части Курской, Воронежской губерний и Области Войска Донского, издавна являвшиеся территориями России. До сих пор даже те, кто этого не хотел бы, вынуждены признавать, что есть «традиционные регионы» на востоке и юге Украины, где «компактно про-

живают» русские¹⁵, точнее «целые области с русским перевесом», с перемешанным населением, в котором не существует «нетерпимости между украинцами и русскими», а смешанные браки никто «смешанными» не считает и поэтому затруднительно «выбрать... национальность из двух»¹⁶.

Эти области сложились вследствие того, что на всем пространстве «от Азова до Днестра» (вошедшем в пределы России в разных сочетаниях в ходе упорной длительной борьбы с Турецкой империей в XVIII в.¹⁷) и позже, в XIX в., «от Днестра и до Кавказа» происходила совместная восточнославянская колонизация, сопровождавшаяся во многом идентичными этнополитическими процессами. Для выявления их особенностей остановимся на более детальном анализе связанной с ними ситуации в одном из специфических периферийных ареалов отмеченного пространства – на Северном Кавказе, воспроизводя вместе с тем и картину по югу России в целом.

Демографические изменения на этой окраине во второй половине XIX – начале XX вв. привели, как известно, к установлению преобладания в структуре населения «русского фактора» или восточнославянского, достигшего здесь 75% от общей численности всех народов, тогда как в Закавказье, в силу особенностей колонизации, он составлял только 6%¹⁸. В общеимперском масштабе это преобладание было несколько ниже и составляло 65,5%¹⁹. Эти показатели в свою очередь нуждаются в специальном пояснении. До 1917 г., после восстановленного единства в середине XVII в., восточнославянское этническое поле функционировало вполне солидарно. К русскому народу относили «...известные племена и народности, объединенные общностью нравов, верований, преданий»²⁰, и в свете этих представлений украинцы и белорусы официально в качестве

инородцев не рассматривались. Поэтому при проведении переписи в Российской империи 1897 г. они статистически не выделялись²¹.

Северокавказский край, становление специфических региональных черт которого в то время уже, по всей видимости, подходило к концу, не являлся исключением. К инородцам же относили тогда всех поданных «неславянского племени». Они пользовались «особым правом управляться и судиться по своим обычаям, своими выборными...», имели ряд других льгот и послаблений, в том числе и в исполнении фискальных повинностей²². В России не существовало и дискриминации в системе государственных отношений, как это было во всех иных универсалистских образованиях мира²³. Не случайно, как подметил В.В. Шульгин, «окраины, населенные так называемыми "инородцами", иногда больше ценили Россию, нежели природные русские»²⁴.

Перепись 1897 г. не подразделяла и русский язык на самостоятельные ответвления. Он признавался совокупностью «...наречий великорусских, белорусских и малорусских». Сравнительное их изучение неизменно показывало ученым, разработавшим проблему, наличие в прошлом для этих наречий единой первоосновы, «общей некогда всему русскому народу...». Признавалось в этой связи существование «общерусской эпохи», когда русский язык был един, несмотря на сохранявшиеся местные внутриэтнические диалекты и «на всем своем протяжении переживал общие явления». Даже накопившиеся несоответствия не смогли разрушить ее по ходу многовековой лингвистической эволюции и указывали, как признавалось тогда, на близость наречий между собой. В них выделялись и более мелкие части, поднаречия, представлявшие, несмотря на различия,

некую целостность в контексте общего языкового комплекса. Различия же внутри него были неизмеримо меньше, чем у западных и южных славян²⁵.

Это связано, на наш взгляд, прежде всего с тем, что у последних складывание этнических обособлений изначально происходило более замкнуто. Как следствие, приоритетной тенденцией развития каждого отделившегося от целого родственного культурного поля становилось усиление его самобытности. В восточнославянском же этническом массиве взаимоувязанность, в том числе идеологическая (конфессиональная), напротив, была гораздо теснее и условия к его разделению появились гораздо позже. Разделение его на «великорусскую, белорусскую и малорусскую» общности не прослеживается ни в X-XI вв.²⁶, ни в последующие несколько столетий.

По верному, на наш взгляд, уточнению А.И. Солженицына «народ наш разделился на три ветви лишь по грозной беде монгольского нашествия да польской колонизации». Утверждения же, что «чуть не с IX в. существовал особый украинский народ с особым нерусским языком», он назвал надуманными и фальшивыми²⁷. Таким образом, «непризнание» самостоятельности существовавших в пределах этого массива диалектных несовпадений обуславливалось не «имперским злым умыслом», как утверждают некоторые исследователи, а состоянием научных представлений, к тому же, как мы видели, вовсе небезосновательных.

Об отсутствии в этом каких-либо «великодержавных расчетов» свидетельствует и то, что подобного рода представления существовали не только в России. Так, в 1848 г. галичане, находившиеся в составе Австро-Венгерской империи, называли свой национальный совет не иначе как "Головна Руска Рада"²⁸. А участники «москвофильского» течения (И. Наумович, Д. Зуб-

рицкий и др.), появившегося в 50-е гг. XIX в. в Восточной Галиции, также отрицали наличие у украинцев своей культуры. В этой части Австро-Венгрии в середине XIX в. даже официальная переписка велась на искаженном русском языке. В выпущенной же во Львове в 1857 г. «Народной педагоги» малоросы и закарпатские русины признавались неотъемлемой составляющей «единого российского народа». Такого же мнения в конце XIX в. придерживался и видный западноукраинский поэт-просветитель А. Павлович²⁹.

Это нередко подтверждалось и опросами украинского населения, особенно на территориях, входивших в состав России³⁰. Примечателен в этой связи один из эпизодов в период нарастания революционного кризиса в 1905 г. В наиболее критический для империи момент Николаю II подали петицию с миллионом подписей жителей Волынской губернии, в которой они выражали глубокую обеспокоенность за судьбу России и просили «сохранить самодержавную власть и не уступать своих прав Государственной Думе». Знаменательно, что в этом адресе царю волынцы с убежденностью заявили, что «...они не “украинцы”, а русские...» и «любят родину»³¹. Точка зрения о национальном единстве восточного славянства разделялась на протяжении всего XX в. и русской эмиграцией за рубежом в отличие от отечественной историографии после 1917 г.

Отстаивалась она, например, П.А. Сорокиным, профессором кафедры социологии Петербургского университета, высланным из страны в 1922 г. и получившим в Америке признание как основатель «научной социологии». Подтверждением этому служит предоставление ему возможности возглавить первую ассоциацию, объединившую ученых данного направления. Проведенные на протяжении многих лет изыскания по-

зволили П. Сорокину в 1967 г. вновь высказать суждение о том, что «русская нация состоит из трех основных ветвей русского народа – великороссов, украинцев и белорусов» и даже дать ее несколько более расширенное толкование. По мнению П.А. Сорокина, в нее также необходимо включать заимствовавшие русскую культуру или «ассимилированные этнические группы, входившие в дореволюционную Российскую империю и... Советский Союз»³².

Очевидно, что эта реальность являлась не следствием русификации, которая носила естественный характер и принудительно никогда не проводилась, а отражением исторической памяти, сохранявшейся у восточнославянского населения со времен Киевской Руси. После разъединения ее в XIII в. вследствие нашествия монголо-татар (с погрома которых начинается отсчет времени превращения «Киевщины в Украину»³³), а позже – установления контроля над западными русскими землями со стороны Литвы, а затем и Польши, она под влиянием внешних воздействий ослабевала, претерпевала трансформацию, но, несмотря ни на что, окончательно не исчезла. Так, по признанию М. Павлык, автора книги «Москвофильство и украинофильство среди австро-русского народа», изданной во Львове в 1906 г., «толчки во всяком движении среди австро-венгерских русинов всегда исходили из России»³⁴.

Привлечение многочисленных свидетельств из различных источников в последние годы позволило поставить под сомнение сложившиеся в прошлом стереотипы о причинах восстановления единства восточного славянства в XVII в. и установить предопределенность этого важного геополитического свершения этническим родством и единством веры. Это подтверждается, в частности, и обращением Б. Хмельницкого к украинскому народу 8 (21) января 1654 г.

в Переяславле: «Бог освободил нас из рук врагов нашего восточного Православия, хотевших искоренить нас так, что и имя русское не упоминалось в нашей земле»³⁵. Второе, украинское самосознание, у присоединявшегося населения возобладало, видимо, уже на каком-то ином этапе развития. Преимущественно русскими считали себя и запорожские казаки³⁶, в том числе в момент переселения на Северный Кавказ, точнее, в его западную часть, в конце XVIII в.

Формировавшийся здесь на протяжении нескольких столетий, а наиболее интенсивно – во второй половине XIX в., восточнославянский этнический массив имел свои региональные особенности. Еще в середине этого века В.И. Даль при сборе сведений для толкового словаря заметил, что на всем южном пространстве страны, в которое входили, как известно, наряду с другими территориями северо-западные пределы края и все административные районы Новороссии, все больше набирала силу тенденция к «обрусению» культуры. Она находила выражение, помимо всего, в сложившемся уже к тому периоду «новорооссийском» наречии, вобравшем в себя сросшиеся двойственные русские и украинские языковые компоненты³⁷.

В энциклопедическом издании «Россия» конца XIX в. под редакцией Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона особенности этого говора названы «южновелико-русскими» с пояснением, что они отражают своеобразие колонизации окраин Московского государства преимущественно «из пограничных со степью местностей». Помимо Новороссии к ареалу распространения этого говора были отнесены также Область Войска Донского и Воронежская губерния³⁸. Но более верным, на наш взгляд, является мнение В.И. Даля. Отмеченная им двойственность могла появиться, несомненно, лишь при примерном численном равенстве русского

и украинского колонизационных потоков или при незначительном преобладании одного из них, в противном же случае не получилось бы синтеза. Более поздние изыскания отечественных ученых подтверждают, что по языковым компонентам можно установить происхождение миграционных составляющих³⁹.

Этническая их совместимость в свою очередь обусловила «обрусение» самосознания смешанного по составу населения. Такое совмещение восточнославянских диалектов с преобладанием общерусского консолидирующего начала прослеживается с самых ранних этапов заселения различных присоединявшихся к России пределов Европы, а затем и Азии⁴⁰. Это вызывалось, как уже было отмечено, сохранявшейся со времен Киевской Руси исторической памятью, а также общими для империи процессами интеграции восточного славянства, видоизмененной лишь после 1917 г. Все наносное, накопившееся за века разъединения, отходило на вторые позиции или исчезало вовсе.

Детерминированность этого процесса подкреплялась и воздействием достаточно сильного в XIX в. в России государственного поля, имевшем тогда немалые притягательные возможности. Неслучайно и эмиграция в ее пределы держалась в отдельные периоды этого столетия примерно на таком же уровне, как и в США, с той лишь разницей, что по преимуществу была аграрной. Приезжавших привлекали в России не только свободные земли, но и защищенность «твердым государственным порядком»⁴¹. К концу века стали приниматься даже соответствующие законы для ограничения миграций⁴².

Влияние на эти притягательные возможности, наряду с другими факторами, оказывал и огромный потенциал русской культуры, роль которой в не имеющем

мировых аналогов континентальном поли-этнонациональном объединении остается до сих пор не изученной. Занимавшийся осмыслением имперского феномена Г.П. Федотов с удивлением писал, что в России «...обрусение германцев шло еще быстрее, чем на Западе их романизация...»⁴³. Иностранцы, приезжавшие в страну на службу или в поисках лучшей доли, становились, как правило, русскими по духу. В среде же восточных славян из-за близости их культур этот процесс проходил еще более активно. Попадая в среду друг друга, русские, украинцы и белорусы легко адаптируются и чувствуют себя, как в среде своего собственного народа, быстро утрачивая вследствие этого приверженность к своим этническим различиям. При этом до 1917 г. воспребладали чаще всего общерусские начала.

На высокие интегративные возможности российского государственного поля оказывало влияние еще одно важнейшее обстоятельство. Этнонациональное развитие неизбежно связано с определенными геополитическими и цивилизационными кодами, выработка которых достигается в ходе длительной, иногда растянутой на века или даже тысячелетия исторической кодификации. В границах Российской империи прослеживались две ее наиболее оформившиеся вариации: евразийство и российскость. До недавнего времени внимание обращалось лишь на первую разновидность, вторая только начала осмысливаться после ряда публикаций знаменитого кавказоведа В.Б. Виноградова и его последователей⁴⁴.

Однако данная терминологическая условность, как когда-то и евразийство, встречает неприятие. При этом ссылки делаются преимущественно на то, что нет таких явлений, как «английскость», «немецкость», «французскость» и т.д. И это действительно

так, они попросту не сложились. В Европе происходило формирование замкнутых этнонациональных систем с вполне определенным распределением по тем или иным государственным образованиям. *Этнонациональная система русского народа на протяжении многих веков, можно даже сказать, изначально, была открытой, что способствовало приобщению к его «национальному акту»*, по выражению философа И.А. Ильина, *других народов, «самых разных вер и исповеданий»*. Вместе с тем, он полагал, что в России в отличие от государств Европы, не происходило подавление и разрушение их самобытности⁴⁵.

Те же, кто отрицает в развитии России до 1917 г., наряду с евразийством, наличие еще одной тенденции, невольно становятся в восприятии отечественного исторического процесса на позиции одномерности и концептуального монизма. Несхожесть его параметров с реальностями Запада была замечена еще в XIX в. Так, предпринятые в 1887 г. сравнения позволили, в частности, К.Н. Леонтьеву сделать вывод о том, что Россию следует «культурно и политически противопоставлять не тому или другому западному государству, а целой Европе в ее совокупности»⁴⁶. Такое же явление, как «европейскость», отражающее целостность со специфическими то распадающимися, то возрождающимися внутренними связями, истоки которых уходят еще в эпоху функционирования империй Рима и Карла Великого, существует и вполне подходит для соответствующей обобщающей классификации.

Евразийство и российскость – это не взаимоисключающие противоположности, а вариации в формировании континентальной государственности, или, по более концентричному определению Ю.А. Жданова, «государства-континента»⁴⁷. Они имели, кроме того, геополитическое (свои прос-

трансовые параметры) и цивилизационное (становление своего рода культурной общности) измерения. Их сосуществование подтверждают, например, неоднозначные альтернативы, отчетливо проявившиеся еще при восстановлении былого единства державы после революционных потрясений 1917 г. В них прослеживалась как более прочная и устойчивая континентальная государственно-политическая сплоченность (российскость), так и не сложившаяся в нее в полной мере взаимоувязанность (евразийство).

Таким образом, евразийство отличается от российскости прежде всего менее устойчивым государственно-политическим сращиванием. В вариации их сочетания определяющую роль играют геокультурные реальности, но вместе с тем сохраняются зоны двойственного тяготения к цивилизациям Запада и Востока. Такие реальности в исследуемом регионе складывались с глубиной древности, примером чему может служить скифский разнородный союз и другие, на что одним из первых обратил внимание такой видный теоретик евразийства, как П. Савицкий⁴⁸. В чем-то похожие целостности формировались и в пределах империй Александра Македонского (эллинизм), Византии, Чингиз-хана и т.д. Евразийство существовало также в Турецкой империи.

Отличительной чертой евразийства, формировавшегося в Российской империи, стала, на наш взгляд, его российскость, основанная на равноправном, не подавляющем, цивилизационном и государственно-политическом слиянии (совместничестве). Это способствовало постепенной интеграции не только восточного славянства, но и инородческого компонента в единую гражданскую общность и превращению ее со всеми сложностями и противоречиями в неотъемлемую составляющую

полиэтнонациональной универсалистской палитры России. На северокавказской окраине на рубеже XIX-XX вв. в общей массе населения он составлял 12,5%⁴⁹, а в районах, где издавна расселялись туземные общества или где они были поселены русскими властями в целях обеспечения земель и приобщения к мирному труду после окончания Кавказской войны этот фактор имел даже многократное превосходство. Соотношение нарушилось лишь в северо-западной части России из-за обстоятельств, в основном не зависевших от нее.

О благоприятности условий существования для местных народов после вхождения их в состав Российской империи и сохранявших «сплошную территорию и традиционный экономический уклад» свидетельствует такой, установленный достаточно авторитетной в начале XX в. австрийской школой нациологии, важнейший показатель этнического развития, как рост народонаселения⁵⁰. По подсчетам Ф.П. Тройно, только с 1868 по 1898 гг. этот показатель достиг в северо-западной части 162%, в северо-восточной – 212%. Этот рост был выше, чем в среднем по стране за тот же период, а по отдельным этническим группам увеличение численности произошло даже в два раза⁵¹.

Укрепление на Северном Кавказе русского или восточнославянского присутствия способствовало преодолению разобщенности и многовековой вражды туземных обществ, их консолидации и объединению в пределах единого государства. Создались и предпосылки для формирования горской геокультурной общности, что ослабляло цивилизационное влияние зарубежного исламского мира и усиливало позиции русского мусульманства, составного элемента наряду с православием феномена отечественного евразийства. Сдерживающим и уравновешивающим демографиче-

ским звеном этого объединения являлось, как и предусматривалось верховной властью, казачество, наиболее организованная в военном отношении разновидность русского (восточнославянского) этноса. Складывавшаяся государственная взаимоувязанность русского и инородческого начал способствовала установлению геополитического и цивилизационного равновесия в северокавказском регионе.

Историческая кодификация, отражение которой происходит прежде всего в самосознании, в его границах имела свои различия. Для большинства туземных сообществ в ней сочетались элементы российскости, евразийства и сраставшихся постепенно общегорских геокультурных ценностей, чем обуславливалась в ряде случаев ее неустойчивость и незавершенность. На то, что российскость играла, тем не менее, для большинства местного населения определяющую роль, указывает, в частности, отсутствие солидарности горских народов в ходе революционных и иных событий в начале XX в., как сообщалось неоднократно об этом в донесениях из полицейских участков, и, вместе с тем, такое взаимодействие наблюдалось в непосредственном контакте с восточнославянским этническим массивом. При проявлениях социального и государственно-политического протеста горцы и русские тогда уже нередко выступали совместно⁵².

На переломных для России революционных рубежах, например, в 1917 г., посланцы с Кавказа неоднократно демонстрировали свою привязанность к ней и неотделимость от нее судеб своих народов. Они высказывались на различных съездах и совещаниях против обособления от «единого отечества... отдельных частей», призывали «к спасению общей родины», возрождению мощи армии и настаивали на мерах, способных «...остановить процесс

разложения русской государственности». Делались также заявления о единстве «с русским народом и с другими народами, населяющими великую страну», о наличии в этой связи «единого российского народа с единой целью», и об отсутствии после произошедших перемен «инородцев в России»⁵³.

Показательно в этом отношении и одно из обращений представителей духовенства к мусульманам Северного Кавказа в 1920 г. В нем, кроме призыва «...“на основании Шарриата”, молиться Богу о сохранении здоровья Верховному правителю адмиралу Колчаку, генералу Деникину и за успех работы сыновей России, жертвующих собой для блага Родины», содержалось побуждение единоверцев к «работе над восстановлением Великой России». При этом напоминалось им следующее: «Дети наши наравне с русскими учились в русских школах. Двери российских высших учебных заведений, как военные, так и гражданские были открыты... Россия для нас не мачеха, а любящая мать, и, помня это, мы должны довериться ей, ибо она поведет нас по правильному пути, как вела... до сих пор»⁵⁴.

Приведенные выше факты наглядно вскрывают наличие более или менее устойчивой государственно-политической интегрированности туземного населения Северного Кавказа в российское полиэтнонациональное общегражданское сообщество, несмотря на предельную противоречивость и незавершенность его формирования на предшествующих этапах. Неопределенность данного состояния подкреплялась остаточным цивилизационным тяготением к мусульманскому Востоку и возрастающей ориентированностью на евразийский фактор. Эти обстоятельства, так или иначе, сказывались на ситуации в регионе и отражались в динамике ее развития.

В пределах же восточнославянского эт-

нического поля, также как и на территории Новороссии, где, как уже говорилось, протекали во многом сходные процессы, историческая кодификация самосознания и культуры у родственных, имевших совместное прошлое колонизационных составляющих, происходила преимущественно на основе российскости и даже есть основания утверждать – с существенным преобладанием данной тенденции. Это находило и находит до сих пор выражение в соответствующей самоидентификации населения. Так, на Северо-Западном Кавказе и, в частности, в таком типичном для Новороссии районе как Таганрожье, из-за существования в языке украинских компонентов население называет иногда себя «хохлами», но говоря о своей национальной принадлежности, определяет неизменно себя как русское («мы хохлы, мы русские»). Свой язык местные жители здесь, как свидетельствуют полевые исследования автора, украинским не считают, делая лишь пояснения «мы так разговариваем», реже указывают на его некоторое сходство с «хохлячим», при этом отказываются признавать его украинским, ссылаясь на свою этническую принадлежность к русскому народу.

Это со всей очевидностью подтверждает заключение В.И. Даля о слиянии восточнославянского населения в этих зонах смешанной колонизации в особую этнокультурную общность с наличием специфического языка – новороссийского наречия и общерусского самосознания, как было когда-то в Киевской Руси. Сделанное им еще в середине XIX в., на наш взгляд, перспективное для дальнейшего изучения и разносторонней концептуальной расшифровки эмпирическое наблюдение не нашло, к сожалению, своевременного признания в других отраслях знаний. Оно не было учтено и при проведении в 1897 г. переписи в Российской империи, опиравшейся во всех

остальных аспектах на самые лучшие достижения отечественной и зарубежной науки. Новороссийское наречие в материалах этой переписи было статистически показано преимущественно как малороссийское, которое рассматривалось как разновидность русского языка⁵⁵.

После 1917 г. оно было ошибочно причислено к специфическому ответвлению украинского языка, а содержащиеся в нем русские языковые компоненты стали по незнанию относить на счет «русизмов». Однако, несмотря на наступившие перемены, население данных местностей продолжало разговаривать на привычном языке. Его лингвистические особенности продолжали оставаться благодаря сложившимся представлениям не понятыми. В ходе переписи 1920 г., проведенной с завершением наиболее крупных финальных эпизодов гражданской войны⁵⁶, и вследствие этого весьма неполной и неточной, население, говорившее на новороссийском наречии, было записано совершенно искусственно как украинское. Это учитывалось в ходе установления пределов соответствующей «национальной» границы и административно-территориального деления при образовании СССР в 1922 г. Значительная часть Новороссии оказалась в составе Украины.

Попало ошибочно в нее и Таганрожье, но вскоре благодаря инициативе с мест было вновь возвращено России, от которой при этом «в порядке обмена» по требованию украинской стороны были отторгнуты гораздо более значительные территории, естественно, также без опроса мнения тех, интересы кого этот раздел непосредственно затрагивал⁵⁷. На основе записи национальности у какой-то части населения, проживавшей в бывших зонах смешанной восточнославянской колонизации, отошедших к Украине, наметилась перегруппировка самосознания, так как объективные историче-

ские знания на этот счет, играющие, как известно, не последнюю роль в его становлении, отсутствовали, а существовавший пробел заполнялся в соответствии с утвердившимися искаженными теоретическими суждениями о данной реальности. По этой же причине после ряда акций протеста закрепились и новое восприятие пространства.

При сохранении былого государственного единства это, видимо, не имело особого значения, чем, собственно говоря, и объясняется относительно спокойное восприятие населением произошедших изменений. Сказывалась, безусловно, и идеологическая его обработка, в ходе которой насаждались представления о «маловажности государственных границ», поскольку неизбежна мировая революция и превращение «диктатуры пролетариата из национальной... в интернациональную..., с решающим влиянием на всю мировую политику», о «готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала», о «слиянии рабочих и крестьян всех наций» и образовании «единой всемирной Советской республики»⁵⁸.

Эта идеология государственного устройства, как проясняют комплексные исследования реальностей прошлого, опять-таки чаще всего воспринималась как возможность сохранения державной целостности страны. Служившие в Красной Армии бойцы, набранные из губерний Новороссии, например, идею «интернационализма» воспринимали не иначе как идею «единой и неделимой России»⁵⁹. Временное правительство в 1917 г., как ясно теперь, на переговорах с Центральной Радой занимало в вопросе о границе более близкие к действительности позиции, предлагая автономию в пределах собственно украинских областей, вошедших в состав России

по переяславским решениям 1654 г. и отчасти в другие периоды, с правом на проведение в них соответствующей языковой и культурно-образовательной политики⁶⁰.

О том, что такой подход, исключавший радикализм, соответствовал интересам большинства украинского народа, можно судить, в частности, по одному, весьма характерному для прояснения ситуации в целом эпизоду, произошедшему вскоре после Февральской революции. При возвращении на Родину Г.В. Плеханов узнал от группы попутчиков, малороссов по происхождению, находившихся в течение ряда лет в плену у немцев, что им предлагали «войти в организацию пленных малороссов, стоящих за отделение Украины от России», обещая увеличить за это «паек, ... давать менее изнурительную работу и лучшее вознаграждение». Но они и слышать не хотели «о такой сделке со своей совестью» и с огромным риском для жизни бежали из плена. При этом они пояснили, что русских считают своими братьями и признают лишь широкую автономию в составе России⁶¹.

Эти настроения имели тогда весьма широкое распространение и сохранялись вплоть до окончания гражданской войны, показывая наличие нуждавшейся в реализации устойчивой тенденции. Так, «Украинский национальный комитет», имевший связи даже с Галицией, всецело стоял на позициях неделимости России, отстаивая для Украины в будущем лишь местную автономию. Входившие в него представители украинского народа признавали «гибельность самостийных течений», в их числе и движения под предводительством Петлюры, призывая к единению «русских сил»⁶².

По записи № 62 заседания Юридического совещания от 13 июня 1917 г. можно с полным основанием констатировать, что Временное правительство не было противником украинской автономии. Оно настаивал

вало лишь на соблюдении законных параметров при ее реализации органами власти всех уровней, включая обязательность волеизъявления народа путем всеобщего голосования, и было против удовлетворения требований организации, полномочия которой им казались сомнительными. Значительная часть населения даже собственно малороссийских губерний была в 1917, переломном и поэтому весьма показательном году, против идеи автономии и украинизации. Из-за ставки именно на них и на другие «этнические ценности», предусматривавшие в дальнейшем и выход из состава России, Украинская Центральная Рада не получила поддержки местного самоуправления, наиболее широко отражавшего настроения масс, ни в одном городе Украины, в том числе и в Киеве⁶³.

Для ведения переговоров об автономии Украины была создана комиссия из товарищей министра внутренних дел Н.Н. Щепкина и С.Д. Урусова, достаточно известных профессоров права С.А. Котляревского и Н.И. Лазаревского. Комиссия подготовила карту автономной Украины, согласно которой в ее состав могли войти только следующие губернии: Киевская, Волынская, Подольская, Полтавская и Черниговская. Таким образом, всего пять «собственно малороссийских» административных образований. По мнению современного крупного специалиста по проблеме российско-украинских отношений Д. Бондаренко, эти пределы являлись «исторически и этнографически справедливыми», так как это именно та территория, которая вошла в состав России в разных пропорциях в 1654, 1793 и 1795 гг., и большинство населения ее составляли украинцы.

Слободская Украина и Донбасс еще до воссоединения двух восточнославянских народов имели, также как и Новороссия, смешанную заселенность с существенным

преобладанием русскоязычного элемента. Отличало их, кроме того, то, что они изначально складывались как полиэтнонациональные субъекты империи, для каждого из которых русский язык и культура издавна служили скрепляющим и централизующим началом, своего рода устойчивым цивилизационным измерением. Население здесь не признавало власть Центральной Рады даже после большевистского переворота и ее III-го Универсала, объявившего этот край территорией Украины. Оно смирилось с изменениями лишь под воздействием отмеченных выше обстоятельств, прежде всего при условии сохранения целостности страны и государственно-политической интегрированности с Россией. В этой связи, можно сказать, Временное правительство защищало интересы всего русскоязычного населения губерний, в котором оно составляло большинство, и вполне оправданно, исходя из реальности, исключало их из предполагаемой «украинской автономии»⁶⁴.

Тем не менее эти усилия из-за нарастающего радикализма оказались, к сожалению, не реализованными, а, казалось бы, несбыточные замыслы нового режима, руководствовавшегося уже иными представлениями о проблеме границ, в значительной мере осуществились. Вне этого контекста осталась лишь часть геополитического проекта «Украина от Карпат до Кавказских гор», актуализация которого определенными группировками стала возрождаться наиболее интенсивно после произошедшего в 1991 г. распада СССР и дискредитации прежней объединительной идеи. Только теперь при его обосновании, как правило, привлекаются данные Всесоюзной переписи 1926 г., которые позволяют при обработке неизменно получать «высокий процент украинского населения» по регионам, где происходила когда-то

смешанная восточнославянская колонизация, и по Северо-Западному Кавказу, разумеется, тоже.

Это подтверждают своими расчетами и российские ученые, занимавшиеся разработкой этнодемографических особенностей южной периферии⁶⁵. Так, А.Г. Дружинин, касаясь численности в ее пределах «украинской диаспоры», особо выделяет существенный разброс цифровых показателей. Ему удалось установить, что в 1897 г. на выделяемом сейчас в северокавказский регион пространстве, на немалую часть которого, отметим, распространяется и названный геополитический проект, она составляла «1271 тыс., по переписи 1926 г. – 3107 тыс.», а в 1959 г. – всего 170 тыс.⁶⁶. И здесь действительно есть над чем задуматься. Резкий скачок за сравнительно короткий период, с 1897 по 1926 гг., украинского населения, а затем такое же резкое сокращение за равный, по сути, промежуток времени к 1959 г., нуждаются в объяснении. Возможность для этого, несмотря на кажущуюся загадочность приведенных демографических сведений, несомненно, существует.

Дело в том, что результаты, получаемые на основе этих переписей, не всегда сопоставимы и их сравнительный анализ не дает объективных сведений, адекватно отражающих соответствующую ситуацию. По решению Петербургского международного статистического конгресса 1874 г. определение национальности было признано возможным «по разговорному языку». Два других обсуждавшихся варианта, «по этнологическим признакам и родному языку», в конечном итоге были отвергнуты⁶⁷. Впоследствии в выработанную методику внесли уточнения и за критерий установления национальной принадлежности был взят «родной язык», за который нередко принимался разговорный, так как жесткой разделитель-

ной грани между ними в подавляющем большинстве случаев не существует. Особой же дифференциации для встречавшихся нетипичных отклонений регламентирующими предписаниями не предусматривалось. Такими подходами как раз и руководствовались при проведении переписи населения в Российской империи 1897 г., а также всех переписей в 20-е гг. XX в. (1920, 1923 и 1926 гг.)⁶⁸, что обуславливалось, как видно, все тем же состоянием научных знаний.

Перепись 1939 г. имела совершенно иную наполняемость рубрики о национальной принадлежности⁶⁹. К тому времени было признано, что критерием ее определения должен быть не разговорный или родной язык, а самосознание. При сборе сведений задавался вопрос: «К какой национальности Вы себя относите?», тогда как в 1926 г. спрашивали о родном языке или при возникновении заминок счетчики по своему усмотрению учитывали разговорный язык. Результаты переписи 1939 г., несмотря на все ее недостатки, порожденные своеобразием этапа развития страны, дали резкое повышение процента русских, проявив устойчивые последствия специфики формирования восточнославянского этнического поля в северо-западной части Кавказа. В северо-восточной – русский компонент имел еще более существенное преобладание под влиянием колонизации и становления казачества.

Таким образом, наблюдение В.И. Даля в середине XIX в., относящееся к зонам смешанного восточнославянского населения южных окраин, подтвердилось вновь со всей очевидностью. Вместе с тем, это показывает, что важнейшим отражением исторического кода выступает самосознание, язык в данном случае имеет лишь вспомогательное значение. Известны примеры, когда язык в силу тех или иных обстоятельств утрачивается, но самосознание

остается. При этом не исчезает и прежняя этнонациональная идентификация. Если разрушается последняя, то происходит смена кода в целом и переход вследствие этого индивидов, отдельных групп и даже сообществ в сферу функционирования других геополитических, цивилизационных и общегражданских планетарных систем. Различия в понимании этого и породили колебания в статистике при сборе сведений о населении в указанных регионах, а затем в подсчетах при ее изучении.

Отсутствие в прошлом объективных и разноплановых исследований на данный счет дает повод теперь некоторым современным украинским авторам соответствующей концептуальной ориентации выражать с вполне понятным подтекстом, сужающим еще больше границы России, недоумение, что перепись 1926 г. выявила две трети украинцев в составе проживавших на Северо-Западном Кавказе, при переписи же 1939 г. «украинцами могли называть себя здесь только недавние приезжие из Украины»⁷⁰. И это при том, что в 20-30-е гг. XX в. и в этой части страны проводилась принудительная украинизация, также как и в пределах бывшей Новороссии, включенных в пространство образованной после 1917 г. «национальной республики». Тогда как русификация в этом регионе, особенно в области культуры, носила естественный характер и искусственно никогда не насаждалась, тем более в тот промежуток времени, когда правящим режимом все русское подвергалось вытеснению⁷¹.

Несмотря на целенаправленную идеологическую обработку, инициаторы кампании столкнулись с массовым отказом родителей отдавать детей в школы с украинским языком обучения⁷². Однако в доказательствах наличия «геноцида» сторонники такой интерпретации уменьшения доли украинцев в западной части северокавказско-

го края повторяют по сути один и тот же тезис: «...разными методами, в том числе террором и голодом 1932-1933 гг., кубанцам было предложено считать себя русскими»⁷³. Отмеченная же особенность последствий уникальной этнонациональной восточнославянской эволюции до 1917 г., устойчиво проявилась еще раз при проведении переписи 1959 г., которую специалисты признают «самой благоприятной» из всех переписей в стране в XX в.⁷⁴. Это нашло выражение при отклонениях от установившейся методики в опросах населения, допускавшихся в ходе сбора сведений скорее всего не в результате ошибок на местах из-за организационных упущений, а по разрядке свыше.

Так, на сопредельных с Украиной территориях, которые по существовавшим, судя по всему, замыслам вслед за Крымом должны были быть переданы в ее состав, национальная принадлежность устанавливалась по разговорному языку, в то время как все остальное население идентифицировалось по самосознанию. В результате такого двойственного подхода даже самые близкие родственники, жившие в соседних селах, оказались записанными, если во внимание принимался разговорный язык, – украинцами, если самосознание – русскими. После этого в начале 60-х гг. XX в. ряд районов и территорий Ростовской области (Новоазовский и др.) были переданы без учета мнения населения и вновь с нарушениями принципа исторической справедливости «братской соседней республике»⁷⁵.

Идеологические стереотипы советской поры продолжают сказываться и на современных представлениях по обозначенной проблеме. Ростовский филолог Б.Н. Проценко, например, признавая наличие в смешанных диалектах в ряде местностей на юге России двойственных компонентов, относит, несмотря на это, всю языковую

разновидность к украинской, игнорируя даже факт сложившегося устойчивого русского самосознания. Называя вывод В.И. Даля об особом «новороссийском наречии» ошибочным, он расходится с ним лишь в терминологическом определении смешанного говора, содержащего вместе с тем, по его же утверждению, русский словарный пласт. Ну а то, что само население свой диалект украинским не считает, Б.Н. Проценко объясняет «недостатком языковой культуры»⁷⁶. Такой же «недостаток», видимо, принимали в расчет, когда после включения в состав СССР закарпатских русинов записывали украинцами. Не будем спорить с этим, принимая во внимание то, что любой исследователь, безусловно, имеет право на использование понятийных условностей, соотносящихся с теми или иными концептуальными предпочтениями в поисках истины.

На наш взгляд, подчеркнем еще раз, соответствуют ей воззрения В.И. Даля, масштабный многолетний труд которого признавался и признается до сих пор замечательным «по полноте и точности» описания. В то время, когда он создавался в XIX в.⁷⁷, историческим изучением русского языка занимались многие выдающиеся представители отечественной лингвистики: Ф.И. Буслаев, И.И. Срезневский, А.А. Потебня и другие. Так или иначе, они также подтверждали результаты наблюдений В.И. Даля, в том числе и в том, что сложившийся на основе двух родственных восточнославянских языковых комплексов диалект на Юге России ни украинский, ни русский, он общий. О том, насколько были авторитетны эти подтверждения, можно судить хотя бы на основе того, что при проведении полевых экспедиций выявлялись даже оттенки говоров не только в пределах губерний, областей, но и отдельных районов⁷⁸.

Однако в зонах смешанной восточнославянской колонизации следует принимать во

внимание все же не особенности говора, соединяющего разные языковые компоненты, показывающие происхождение миграционных потоков, а стадийность самосознания. При их формировании даже в XVIII-XIX вв., как свидетельствуют факты, преобладающей выступала признававшаяся в той или иной степени принадлежность к общерусскому сообществу. Эпицентром формирования собственно украинского самосознания выступали, как видно, территории традиционного расселения. Но и в них, несмотря ни на что, продолжала сохраняться и на протяжении всего XX в., вплоть до распада СССР, самоидентификация «мы украинцы, мы русские». Последняя, однако, была уже менее выражена. Тем не менее, в среде украинцев и сейчас сепаратизм предстает, по выражению изучавшего не один год параметры данного явления ученого Н.И. Ульянова, не иначе как «комплекс настроений, созданных пропагандой», весьма ограниченных и потому потребовавших немалых усилий, направленных на обоснование «существенных» отличий украинцев от русских⁷⁹.

До сих пор Украина не представляет из себя и государства с устоявшимся этнополитическим единством. Для значительной части украинцев, например, И. Мазепа, изменивший России в ходе Полтавской битвы 1709 г. и переметнувшийся на сторону шведов, по-прежнему является предателем и его изображения на денежных знаках воспринимаются, как издевательство над здравым смыслом, для какой-то части населения этой республики он выступает в качестве «героя и борца за идею национальной независимости». Соответственно под таким же углом зрения, «предательства и целесообразности отдаления от Москвы», рассматриваются действия тех современных политиков, которые стремятся сделать Украину членом НАТО.

Как показывают социологические опросы, в среде простого народа устойчиво

сохраняется надежда на то, что разъединение с Россией носит временный характер. Единой остается и православная церковь, нравственные позиции которой в этом отношении остаются пока не оцененными по достоинству. Выражая настроения верующих, священники этой конфессии по всей Украине в том числе и в западных областях, продолжают нести службу, как и прежде, на русском и украинском языках, провозглашая перед началом молитв здравницы в честь патриарха «всех Руси» Алексея II⁸⁰. Так что не исчезла еще «гоголевская» Украина и она, возможно, со временем скажет свое веское слово для истории.

Ссылки Б.Н. Проценко на казаков-некрасовцев, также служат подтверждением не в его пользу. В публикациях по данной проблеме Д.В. Сеня, разработавшего ее наиболее глубоко и разносторонне, казаки-некрасовцы действительно сохраняли язык и русское самосознание в инациональной среде в пределах Турции, но утрачивали со временем самобытность, попадая в пределы воздействия восточнославянского этнического поля⁸¹. А это еще один довод в системе приведенных доказательств. Предпринятый аналитический разбор позволяет сделать несколько итоговых обобщений, имеющих принципиальное значение для дальнейших теоретических поисков и проработки практических деталей региональной политики.

Прежде всего, нужно учитывать то, что из-за незнания России и специфики формирования ее окраинной периферии после 1917 г. было допущено смещение кодов этнонационального развития. Вследствие этого сдвиг произошел и в сторону евразийства, являвшегося до указанного рубежа лишь одной из тенденций в становлении российского государства, но отнюдь не преобладавшей. О масштабах воздействия второй доминирующей тенденции, какие бы ей не давались терминологические

определения, можно судить хотя бы по тому, что в 1922 г., как заметил с удивлением, руководствуясь распространенным заключением «все империи развалились», итальянский историк Дж. Боффа, бывшие окраины России подтверждали в подавляющем большинстве случаев свое стремление войти в состав воссоздающегося единого государства на правах автономий. Инициативу в его возрождении, наряду с другими проявили и украинцы⁸², что, так или иначе, подтверждает некоторые положения принятого ретроспективного обзора.

Поэтому проект И.В. Сталина необходимо все же признать, несмотря на утвердившиеся его оценки, более реалистичным и отвечавшим в наибольшей степени существовавшим возможностям сохранения интеграции на основе российскости. Проект же В.И. Ленина исходил из неизбежности мировой революции и предполагал более аморфное государственное образование, с постепенным включением в него всех зарубежных стран после утверждения в них «советского строя»⁸³. Укрепление евразийства в силу этого произошло, на наш взгляд, лишь после 1917 г., в том числе в определенной степени в связи с реализацией идеи «интернационализма», предполагавшей внешнюю солидарность на классовой основе. Однако успех этой реализации вызывался, как показывает непредвзятое изучение фактов, наложением на существовавший уже внутри страны общегражданский полиэтнонациональный синтез.

Именно благодаря этому как раз и удалось в тех условиях сохранить целостность складывавшегося на протяжении многих веков геополитического и цивилизационного пространства. Позитивный потенциал евразийства в этом отношении несомненен и его возможности до сих пор сохраняются. Однако это явление нельзя идеализировать, как это делалось в момент формиро-

вания представлений о нем в 20-30-е гг. XX в. и на современном этапе развития научных знаний. Оно видоизменило складывавшийся государственно-политический баланс и направленность связанного с ним континентального взаимодействия. Из-за этого ранее сложившиеся общегражданские связи постепенно переводились на иной уровень сплочения, что создавало предпосылки для их последующего разрыва.

Вместе с тем было допущено смещение и в сторону западноевропейских реалий со сложившимися идеалами национальных государств. Заимствовался также опыт колониальных империй, в которых устанавливались тоже более или менее прочные цивилизационные контакты, но при явно подавляющей роли культурно-религиозных ценностей метрополий. В колониальных империях, кроме того, отсутствовало геополитическое континентальное взаимодействие и общегражданское государственное сращивание, происходившее в России. Между тем и для нее была провозглашена необходимость «права наций на самоопределение вплоть до отделения»⁸⁴ даже в тех регионах, где был смешанный состав населения.

А к ним относились не только Северный Кавказ и Новороссия. На весьма обширной бывшей российской окраине периферии сложились своеобразные консолидированные общности, важнейшей неотъемлемой базовой составляющей которых являлся русский язык и культура. Именно на их основе и происходило цивилизационное сращивание различных как однородных восточнославянских, так и иных этнонациональных компонентов. В этих специфических контактных зонах прошлого необходимо было соблюдать принцип равенства всех народов, с предоставлением им культурно-национальной автономии и с обязательным сохранением объединяющей цивилизационной первоосновы: свободы пользования русским

языком и культурой. Ее не удалось, как мы видим, вытеснить, например, из того же северокавказского регионального контекста, даже при помощи специальных мер, опиравшихся на мощнейшую идеологическую обработку населения.

Эта закономерность повторяется и в наши дни. Нарушение в этих зонах сложившегося цивилизационного равновесия пока приводит лишь к разрушительным последствиям. Подтверждением может служить, в частности, непризнание Украины как государственного образования, вобравшего в себя в силу стечения ряда изложенных обстоятельств и мощное русское начало, требующее равноправного статуса, в том числе и в использовании языка. Распространяющиеся в этой республике утверждения, что крымские татары – это один из коренных народов, а русские – пришлые, выглядят, по меньшей мере, как нелепые. Цена этой несправедливости, как и разрушения восточнославянского единства, «творцами самостийности» к сведению не принимается.

Незнание же особенностей России нельзя ставить в вину только тем, кто волею судьбы после бурных событий в 1917 г. оказался у власти. Оно, так или иначе, предопределило их интеллектуальную драму, стратегические просчеты, обернувшиеся через несколько десятилетий распадом страны и масштабной трагедией для тех, кто оказался вне пределов привычных государственных границ. Впрочем, незнание России было присуще тогда всем политическим силам, заявлявшим претензии на ее переустройство. Вызывалось это, не в последнюю очередь состоянием разработанности знаний о ней, ситуацией в исторической науке, которая не смогла к тому переломному моменту дать ответы на запросы эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Поликарпов В.С.* Новые виды оружия и технологии войн // «Научная мысль Кавказа». 1997. № 2. С. 25.
2. *Заявление* участников международной научной конференции «340 лет Переяславской Рады» // 340 лет Переяславской Рады. Международная науч. конф. Тезисы докладов. Вып. 2. Донецк, 1994. С. 52.
3. *Мирошниченко П.Я.* Эволюция украинского национализма и взаимоотношения Украины с Россией // Там же. С. 22.
4. *Корнилов Д.В.* Дух Переяславской Рады и общественно-политическая мысль Украины конца XIX–XX вв. // Там же. С. 10.
5. *Гоголь Н.В.* Мертвые души. М., 1980. С. 241.
6. *Вернадский В.И.* Задачи науки в связи с государственной политикой в России // «Научная мысль Кавказа». 1995. № 1. С. 9.
7. *Плеханова Р.* Год на Родине. Из воспоминаний // «Диалог». 1991. №9. С. 84.
8. *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль–сентябрь 1917 г. (Б/и.: Париж, 1921). М., 1991. С. 88.
9. Обобщены высказывания в средствах массовой информации Украины, собранные автором во время пребывания в этой республике в разные годы после распада СССР.
10. *Коваленко В.* Крымский вопрос и московская пропаганда // «Родина». 1995. № 3-4. С. 160-161 и др.
11. *История Украины.* Учебник для 9-го класса. Киев, 1997; *Радзиевский А.И.* Сохранение духовно-культурного единства и выход из экономического кризиса Украины и России // Диалог украинской и русской культур в Украине. Материалы IV Международной научно-практической конференции /9-10 декабря 1999 г., г. Киев/. Киев, 2000. С. 236-279.
12. *Врангель П.Н.* Воспоминания. Южный фронт /ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г./ В 2 ч. Ч.1. М., 1992. С. 101.
13. *Грушевский М.С.* Хто такі українці і чого вони хочуть. Киев, 1991. С. 125.
14. *Россия.* Энциклопедический словарь /Б/и: Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб., 1898/. Л., 1991. С. 83.
15. *Удовенко Г.И.* Народный Рух Украины в борьбе за власть // «Независимая газета». 1999. 18 июня. С. 6.
16. *Солженицын А.* Как нам обустроить Россию: Посильные соображения. Л., 1990. С. 12.
17. *Русская политика в восточном вопросе.* Ее история в XVI–XIX вв., критическая оценка и будущие задачи/. Историко-юридические очерки С. Жигарева. М., 1896. С. 129.
18. *Стенографический отчет.* Ч.4. Государственная Дума. 3 созыв. Сессия 5. Засед. 1. 1 ноября 1916 г.
19. *Вдовин А.И.* "Российская нация": Национально-политические проблемы XX в. и общенациональная российская идея. М., 1995. С. 37.
20. *Россия.* Энциклопедический словарь..... С. 564.
21. *Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897г.* / Под ред. Н.А. Тройницкого. Т.65. Кубанская область. СПб., 1905 и др.
22. *Вдовин А.И.* Указ. соч. С. 38.
23. *Матвеев В.А.* Отечество не только русских... (Размышления о геополитических, историко-цивилизационных и этнонациональных особенностях российской государственности) // Научная мысль Кавказа. 1997. № 1. С. 34.
24. *Шульгин В.В.* Годы. Дни. 1920 год. М., 1990. С. 51.
25. *Россия.* Энциклопедический словарь... С. 564.
26. Там же. С. 565.
27. *Солженицын А.* Указ. соч. С. 10.
28. Там же. С. 11.
29. *Освободительные движения народов Австрийской империи.* М., 1981. С. 202, 206.
30. *Матвеев В.А.* Переяславская Рада в исторических судьбах Украины и России // «Посев». 1995. № 1. С. 94-100.
31. *Шульгин В.В.* Указ. соч. С. 96-97, 504, 510.
32. *Сорокин П.* О русской нации. Россия и Америка. Теория национального вопроса. М., 1994. С. 24.
33. *Россия.* Энциклопедический словарь... С. 570.
34. *Освободительные движения народов Австрийской империи...* С. 330.
35. *Костомаров Н.И.* Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 394.
36. Там же. С. 351-360.
37. *Даль В.И.* О наречиях русского языка // Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. М., 1989. С.81; *Куликова Э.Г.* Региональные языковые контакты в аспекте культуры речи // Кавказский регион: проблемы культурного развития и взаимодействия. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 22-23 декабря 1999 г.). Ростов-н/Д., 2000. С. 46.
38. *Россия.* Энциклопедический словарь... С. 538.
39. Там же.
40. Там же. С. 566.
41. *Кабузан В.М.* Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М., 1992. С. 161, 214; *Народы России:* Энциклопедия / Гл.ред. В.А. Тишков. М., 1994. С. 25, 27-28; *РГВИА.* Ф. 400. Оп. 3. Д. 3041. Л. 11-11об.
42. *РГИА.* Ф. 1284. Оп. 241. Д. 147. Л. 203.
43. *Федотов Г.П.* Трагедия интеллигенции // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2-х ч. М., 1994. Ч.II. С. 179.
44. *Российскость:* понятие, содержание, историческая реальность /на примере Кавказа/. Под ред. В.Б. Виноградова. Армавир, 1999.
45. *Ильин И.А.* 0 грядущей России. Избранные статьи. Св.-Троицкий монастырь, 1991. С. 165, 272-273.
46. *Леонтьев К.Н.* Записки отшельника // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2-х ч. М., 1994. Ч. 1. С. 256.
47. *Жданов Ю.А.* Государство-континент // Стратегия национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе: Сб. материалов целевого семинара. Октябрь 1994 г. Ростов-н/Д., 1995. С. 21, 24.
48. *Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие: культурно-исторический очерк Монгольской империи. 2-е изд. Элиста, 1991. С. 180; *Дугин А.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997. С. 86.
49. *Кавказский календарь* на 1917 г. Отдел статистический. Тифлис, 1916. С. 190-237. (Подсчет).
50. *Шпрингер Р.* Национальная проблема (Борьба национальностей в Австрии). Пер. с нем. СПб., 1909. С. 26.
51. *Тройно Ф.П.* Кавказская война и судьбы горских народов // Кавказская война: уроки истории и со-

- временность. Материалы науч. конф. г. Краснодар, 16-18 мая 1994 г. Краснодар, 1995. С. 88.
52. *Гаджиев А.Г.* Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане. Махачкала, 1963. С. 42; *Невская В.П.* Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма. Черкесск, 1972. С. 136.
  53. *Государственное совещание* // Архив Октябрьской революции: 1917г. в документах и материалах. /Под ред. М.Н. Покровского/. М., 1930. С. 178, 181.
  54. *Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана /1917-1918 гг./*. Горская республика /1918-1920 гг./: Док. и матер. Махачкала, 1994. С. 359.
  55. *Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.* Под ред. Н.Д. Тройницкого. Т. 65. Кубанская область... С. 60-61.
  56. *ГАРФ /бывш. ЦГА РСФСР/*. Ф. 296. Оп. 1. Д. 283. Л. 123об.
  57. *Борисенок Е.* Волость за волость, уезд за уезд. Вопрос о границах между УССР и РСФСР в 1920-е гг. // «Родина». 1999. № 8. С. 111-115.
  58. *Ленин В.И.* Речь на I-ом Всероссийском съезде военного флота 22 ноября /5 декабря/ 1917 г. // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 115; Его же. Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 43; Его же. Тезисы ко II Конгрессу Коммунистического интернационала // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 165-166.
  59. *Шульгин В.В.* Указ. соч. С. 649.
  60. «Красный Архив». 1928. № 5 /30/. С. 51-55.
  61. *Плеханова Р.* Год на Родине. Из воспоминаний // «Диалог». 1991. № 8. С. 91.
  62. *Врангель П.Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). В 2-х ч. Ч. 2. М., 1992. С. 345.
  63. *Бондаренко Д.* Временное правительство и Украинская Центральная Рада: федерализация или распад государства? // «Россия. XXI век.». 1999. № 5. С. 151-153.
  64. Там же. С. 156-158.
  65. *Чернопицкий П.Г.* Об одной особенности этнического состава населения Кубани и Дона в 1920-е гг. // Гуманитарная мысль Юга России в XX в. Тезисы межрегиональной науч. конф., ст-ца Тамань 19-22 сентября 2000 г. Краснодар, 2000. С. 91-93.
  66. *Дружинин А.Г.* Южно-российский регионогенез: факторы, тенденции, этапы // «Научная мысль Кавказа». 2000. № 2. С. 79.
  67. *Шпрингер Р.* Указ. соч. С. X.
  68. *Всесоюзная перепись населения 1926 г.* Т. V. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР. М., 1928. С. 52-54; *Кабузан В.М.* Указ. соч. С.34, 128, 174; *ГАРФ*. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 25. Л. 135.
  69. *Всесоюзная перепись населения 1939 г.*: Основные итоги / Под ред. Ю.А. Полякова. М., 1992. С. 14.
  70. *Кульчицкий С.* Курс – украинизация // «Родина». 1999. № 8. С. 110.
  71. *Вдовин А.И.* Указ. соч. С. 97-129.
  72. *Чернопицкий П.Г.* Указ. соч. С. 92.
  73. *Кульчицкий С.* Указ. соч. С. 110.
  74. *Жиромская В.Б.* Всесоюзная перепись населения 1939 г.: История проведения, оценка достоверности. В кн.: Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги / Под ред. Ю.А. Полякова. М., 1992. С. 4-12.
  75. Информация автором выявлена в беседах с жителями западных приграничных районов Ростовской области при чтении лекций от общества "Знание" еще в 1991 г. Ее подтверждали респонденты в различных населенных пунктах. Их обеспокоенность этим вопросом вызывалась наметившейся тогда перспективой распада СССР.
  76. Сведения получены непосредственно от Б.Н. Проценко в ходе предварительного обсуждения данной разработки.
  77. *Даль В.И.* О наречиях русского языка. СПб., 1852; Его же. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1863.
  78. *Срезневский И.И.* Мысли об истории русского языка. СПб., 1849; *Буслаев Ф.И.* Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1858; *Потебня А.А.* Заметки о малорусском языке. Воронеж, 1876; *Россия*. Энциклопедический словарь..... С. 569-581.
  79. *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. М., 1997. С. 76.
  80. Наблюдение автора.
  81. *Сень Д.В.* О реэмиграции некрасовских казаков из Турции в СССР в 20-е гг. XX в. // «Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки». 1998. № 4. С. 3-9.
  82. *Боффа Дж.* История Советского Союза. Т. 1. От революции до Второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917-1941 гг. Пер. с итал. М., 1990. С. 180-181, 185-186.
  83. *Ленин В.И.* О национальном вопросе и национальной политике. М., 1989. С. 437-534.
  84. *Политика Советской власти по национальному вопросу за три года. /1917-1920 гг./*. М., 1920. С.7.